

Петр Дуткевич¹

РЫНОК, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Кому нужна демократия?

Кажется очевидным, что демократию в Европе любят все: главы государств, политики, общественные организации, деловые круги и, безусловно, народ. Кто сегодня будет утверждать, что демократия — это плохо? Те, кто называют свою систему «демократической», считаются «цивилизованными» и «похожими на нас», в отличие от «нецивилизованной» части (фактически составляющей большинство) мира. Демократия стала мерилем, которым измеряется все происходящее в политике. Это своего рода западная либеральная религия. Но, как это часто случается с религией, по замечанию Джонатана Нитцана, чем сильнее вера, тем меньше вопросов. Именно поэтому я начал с вопроса о том, кому нужна демократия. Далее поговорим о том, каким образом демократия начала превращаться в своего рода «товар» и как влияет этот процесс на соотношение сил в политической системе Восточной Европы (которые представлены ключевыми векторами развития: рынок—общество—межгосударственные отношения). В заключение рассмотрим, как заставить «демократию» работать как в социальной, так и в рыночной сфере.

В своем докладе я не ставлю цель уточнить содержание определения демократии, это уже сделано; достаточно сказать, что демократия в том виде, в каком она существует сегодня, имеет множество граней и понятие демократии намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд². Многое зависит от смысла, который мы вкладываем в это слово³. Одно из возможных определений ставит во главу угла системные гарантии сво-

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор. Автор книг: "New Europe. The Impact of the First Decade, Volume 1: Trends and Prospects", "Theory and Practice of the Civil Society in Russia", "Basics of Local Governance", "NATO Looks East", "Ukraine: Social and Economic Transformation", "The Worst is Over?", "Democracy Without Liberalism", "Unemployment Insurance in Canada", многочисленных глав в книгах и статей в профессиональных журналах. Член совета Всероссийского фонда защиты прав человека, член дискуссионного клуба «Валдай».

² Из огромного количества работ, посвященных определению данного термина, наиболее полезными можно считать следующие: *Archibugi D.* The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, 2008; *Becker P., Heideking J., Henretta J. A.* Republicanism and Liberalism in America and the German States, 1750–1850. Cambridge, 2002; *Birch A. H.* The Concepts and Theories of Modern Democracy. L., 1993; *Dahl R. A.* Democracy and its Critics. Yale, 1991; *Idem.* On Democracy. Yale, 2000; *Diamond L., Marc P.* The Global Resurgence of Democracy. Baltimore, 1996; *Halperin M. H., Siegle J. T., Weinstein M. M.* The Democracy Advantage: How Democracies Promote Prosperity and Peace. L., 2005; *Held D.* Models of Democracy. Stanford, 2006; *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997; *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. Yale, 1999; *Putnam R.* Making Democracy Work. Princeton, 2001; *Sen A. K.* Democracy as a Universal Value // *Journal of Democracy*. 1999. № 10 (3). P. 3–17; *Whitehead L.* Emerging Market Democracies: East Asia and Latin America. Baltimore, 2002.

³ Иммануил Валлерстайн предлагает рассматривать демократию с точки зрения «среднего» гражданина, а не представителей элиты (см.: *Wallerstein I.* The Decline of American Power. N. Y.; L., 2003. P. 150).

боды от посягательств политической власти, творящей произвол. При таком подходе мы движемся в привычном направлении исследования гарантий прав граждан с либерально-индивидуалистических позиций. С другой точки зрения демократия рассматривается как специфическая форма правления (управления гражданами). Однако согласно третьей трактовке демократия анализируется исключительно с точки зрения экономического развития. И действительно, в контексте классической либеральной традиции демократия неотделима от рыночной капиталистической системы⁴. Но даже среди этих разных точек зрения существует основополагающее понятие, что демократия как проект, идея или факт — вещь хорошая, и, несмотря на ее несовершенство, альтернативы ей нет.

Начнем с того, как разные стороны понимают потребность в «демократии» и как этим понятием манипулируют, когда приходится на практике определить интересы и потребности отдельной личности и всего коллектива. Главные субъекты этого процесса — «люди» и правящие группы региона. Рассмотрим, чего они ждут от демократии.

1. Первая группа: народ (граждане Восточной и Центральной Европы)

Я полностью признаю ценность прав личности, в частности, когда их ущемляют и отказывают в их предоставлении. Но в рамках дебатов о том, как понимать и чем измерять демократию, существует еще один серьезный и недооцениваемый аспект, о котором напоминает Иммануил Валлерстайн в своей книге «Закат американского могущества». Возможно, для большинства населения в Восточной Европе, а также во многих переходных обществах качество управления и политического процесса измеряется иначе⁵. У большинства людей, вовлеченных в процесс социально-экономических перемен, политические приоритеты и ценности сосредоточены, прежде всего, на: а) перспективах своего материального благополучия и благополучия своих детей (и опасениях последствий увеличивающегося материального неравенства); б) коррупции и, наконец, в) возможности быть равноправными гражданами внутри государства (путем устранения источников дискриминации, основанных на возрасте, недееспособности, половой, этнической принадлежности и т. д.). Самым распространенным требованием демократизации «среднего человека» является в значительной мере требование более справедливого распределения доступа к здравоохранению, образованию, источникам дохода, экономической и личной безопасности. Нет ничего

⁴ В данном подходе я обращаюсь к наиболее интересным в последние годы идеям, высказанным в работах: *Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development // *The American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. № 3 (Sept.). P. 567–576; *Ha-Joon Ch.* Bad Samaritans. L., 2008; *Wolin Sh. S.* Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism. Princeton, 2008.

⁵ Гражданские свободы последовательно рассматриваются как социально значимые, желательные и важные. Например, последние 15 лет более 55 % россиян поддерживают «демократию».

странного в том, что люди беспокоятся о себе и своих семьях, что они хотят прожить жизнь в добром здравии, дать образование детям, чтобы расширить их возможности в жизни, и переживают за стабильность своих доходов. На всех этих фронтах мы видим разнородную картину в странах Восточной Европы, в России — массовое отступление в 1991–2001 годах; слабое и неравномерное улучшение с 2001 по 2011 год. Неравное участие в «переходной ренте» представляется главной причиной растущей пропасти между демократически избираемой элитой и общественностью. В этом же глубинные причины роста новой разновидности радикального популизма¹.

Таким образом, граждане активно поддерживают демократию, но выгоды от нее воспринимают скорее через призму общественной безопасности, системной стабильности и справедливости, а не обеспечения фундаментальных свобод. Демократия рассматривается

¹ Результаты социологического исследования “The Life in Transition Survey II”, проведенного в 2010 году Европейским банком реконструкции и развития совместно с Мировым банком, свидетельствуют, что здоровье и образование находятся на первом и втором местах в смысле необходимости получения дополнительного финансирования со стороны государства. Двое из трех опрошенных в 39 тыс. домохозяйств из 34 европейских «переходных» стран ответили, что их правительства должны тратить больше денег на эти две самые важные области — здравоохранение и образование. Например, примерно 40 % албанцев считают образование приоритетным направлением, требующим дополнительного финансирования. 33 % респондентов назвали здравоохранение самой важной статьей расхода. Во всех остальных трансформирующихся и западных странах, участвовавших в исследовании, первоочередная роль была отведена здравоохранению. Две трети эстонцев, принявших участие в опросе, сказали, что их правительство должно выделять больше денежных средств на системы образования и здравоохранения. Примерно пятая часть считает, что дополнительные средства должны быть выделены на борьбу с бедностью, а около 80 % опрошенных ответили, что необходимо больше тратить на преодоление пропасти между богатыми и бедными. В Польше половина опрошенных желала бы, чтобы правительство выделяло больше дополнительных средств на здравоохранение. Около 25 % предпочли бы, чтобы их правительства сосредоточили свои усилия на образовании, а 12 % хотели бы больше средств на выплату пенсий. В Словакии примерно половина респондентов высказались в пользу дополнительных расходов на медицинскую помощь, а около 25 % предпочли бы, чтобы их правительство выделяло больше средств на образование. Одна треть словенцев желают, чтобы выделялось больше государственных расходов на здравоохранение, а одна пятая — на образование. Около 15 % словенцев назвали приоритетными направлениями улучшение пенсионного обеспечения и поддержку бедных. Почти опрошенных русских высказались в пользу увеличения финансирования государственной системы здравоохранения. Среди областей приоритетного финансирования были образование, жилье, пенсии, а также поддержка бедных. Согласно последним данным исследования, проведенного Eurobarometer в 2009 года, 44 % европейцев считают, что самым ценным для человека является уважение к его жизни; за ним следует мир (42 %) и права человека (40 %). Согласно результатам этого исследования, другие личные ценности значительно отстают: демократия (24 %), личная свобода (24 %), верховенство закона (20 %) и др. Уважение к человеческой жизни вытеснило такой показатель, как права человека, который в аналогичном опросе 2008 г. был указан как самый важный. В августе 2010 года Всероссийский центр изучения общественного мнения провел опрос общественного мнения о том, чего страшатся русские и что вызывает их тревогу. Большинство, около 41 % респондентов, беспокоятся по поводу уровня жизни, 28 % обеспокоены состоянием здравоохранения, 26 % беспокоят проблемы молодежи, и только 11 % выразили озабоченность по поводу демократии и прав человека. Эмпирическое подтверждение приведенным данным можно найти в обширном исследовании ЕБРР: The Life in Transition Survey I и на сайте <http://www.ebrd.com/pages/research/publications/special/transitionII.shtml>

как инструмент достижения социального достоинства личности, которое обеспечивается приемлемыми условиями жизни и безопасности. Поскольку большинство стран Восточной и Центральной Европы этих целей не достигают, там наблюдаются рост цинизма и отстранение от политики (а значит, и от проекта демократизации как такового)².

2. Вторая группа: правящие круги³

Демократизация в Восточной и Центральной Европе практически означала освобождение — «либера-

² В социологическом опросе “Life in Transition Survey II” по вопросу о предпочтениях в политической и экономической системе говорится следующее: в послекризисный период наблюдается снижение положительного отношения к демократии во всех европейских странах с переходной экономикой, за исключением Болгарии. Согласно опросу общественного мнения в странах ЕС, проведенному Eurobarometer 72 в октябре и ноябре 2009 года, менее одной трети европейцев испытывают доверие к своим национальным политическим институтам: 29 % доверяют своим правительствам, 30 % из них доверяют своему парламенту, а 65 и 63 % придерживаются противоположного мнения. Примечательно, что уровень доверия упал со времени предыдущего опроса, проведенного весной 2009 года. В Латвии и Литве менее 10 % опрошенных доверяют политическим институтам своих стран. Процент чуть выше (20 %) в Ирландии, Венгрии, Польше, Румынии и Великобритании. Во Франции 73 % населения не доверяют своему правительству и 64 % не доверяют парламенту. Подавляющее большинство (79 %) европейцев не испытывает доверия к своим политическим партиям, что оказывается на три пункта ниже по сравнению с предыдущим исследованием весной того же года. Эти опросы показывают, что растет число людей, неудовлетворенных тем, как работает демократия в их странах. В социологическом исследовании, проведенном осенью 2007 года, был задан вопрос о том, как народ воспринимает демократию в своих странах и в Евросоюзе. По сравнению с предыдущим опросом количество недовольных национальными демократиями возросло. Наиболее недовольны народы Литвы (79 %), Румынии (79 %), Болгарии (77 %), Латвии (76 %) и Венгрии (76 %). Население скандинавских стран гораздо лучшего мнения о своей национальной демократической системе.

В Дании 91 % населения доволен своими национальными политическими институтами, так же как 81 % шведов, 69 % финнов, 76 % австрийцев и 68 % немцев. “Economist Intelligence Unit” по индексу демократии 2010 года сообщает, что в период между 2008 и 2010 годами оценка демократии снизилась в 19 странах Восточной Европы. Доверие к национальным правительствам среди стран Восточной Европы упало с 38 % в 2006 году до 43 % в 2009-м. Общественное доверие к национальным политическим партиям является особенно низким в 12 странах Восточной Европы (в 10 странах — новых членах Евросоюза, в Хорватии и Македонии), где менее 10 % населения доверяют своим партиям. Лишь одна пятая опрошенных ответили, что они доверяют своему правительству и парламенту. В апреле 2011 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос об интересе россиян к политике, источниках информации, которые они предпочитают, и о том, говорят ли они о политике с друзьями. По данным этого исследования россияне становятся все более деполитизированными. За последние шесть лет количество людей, интересующихся политикой, сократилось с 48 до 39 %. В январе 2010 года в рамках общественного опроса в России респондентам был задан вопрос: что, по их мнению, является более важным, демократия или порядок? Большинство — 72 % — считают, что порядок важнее. На вопрос «Что такое порядок?» большинство ответило, что это «политическая и экономическая стабильность государства». Вторым по популярности ответом был «конец борьбе за власть, распад страны», третьим — «социальная защита населения с низкими доходами». В июне 2011 года ВЦИОМ задал вопрос: «Почему, по вашему мнению, люди устали от политики?», и 62 % российских граждан ответили, что они устали от отсутствия реальных действий, а 41 % ответил, что устали от того, что политики обманывают простых людей. Подробную информацию можно найти на сайте: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/729820/cat/42>

³ Определение дано властью предрержащей (власть здесь понимается как установление высокого уровня социального и экономического послушания); в регионах такая власть принимает форму практически безраздельной социально-политической и экономической власти (три в одном).

лизацию» — узкого круга деловой/политической элиты от почти любого юридического или общественного контроля. Преимущество демократии оказались доступны лишь небольшой группе. Главная проблема внедрения/закрепления демократии в середине и конце 1990-х годов в Восточной и Центральной Европе и России заключалась в том, что лишь немногие смогли в полной мере насладиться плодами нарождающегося демократического общества, создателями которого были такие лидеры, как Лех Валенса, Вацлав Гавел и Борис Ельцин.

«Похищение демократии» осуществлялось довольно просто. Наиболее влиятельные люди того времени покупали доступ к политическому процессу, к распределению/приватизации собственности, средствам массовой информации, выборам на всех уровнях, а также к политикам и людям, принимавшим ответственные решения (иными словами, они купили непредставительную долю всех гражданских свобод). Таким образом, избранное меньшинство смогло поставить закон себе на службу, защитить себя и свою собственность и тем самым стать фактическими собственниками государства, а значит, и узким кругом бенефициаров демократии. С политической точки зрения это означало освобождение элиты, состоящей главным образом из видных политиков и бизнесменов, от государства, от исполнительной власти, которую оно олицетворяет, и от остального населения. Россия представляет собой интересный случай, поскольку даже по не слишком взыскательным стандартам Центральной и Восточной Европы конца 1990-х годов «демократизация для немногих» достигла непропорционально большого уровня. Стали скандально возможными покупка выборов или влияние на их итоги. После смены политического руководства в 2000 году (начало восьмилетнего президентства Владимира Путина) позиция Кремля заключалась в разработке гибридной «суверенной демократии»¹. Если расшифровать это понятие, а не судить его, то оно многое может сказать о страхах и целях элиты, как мировой, так и национальной. «Суверенность» при этом подходе означает способность режима (экономическая независимость, военная сила и способность противостоять глобальному давлению и «иностранным влияниям») быть независимым и неподотчетным на международной арене, но также и «независимым» от *собственного населения*.

«Демократия» в данном случае означает открытость для перемен, создание возможностей для правящих кругов управлять посредством реформистских стратегий, получать поддержку со стороны общества (поскольку большинство россиян поддерживает идею демократии), но не слишком большое доверие самому обществу. Создается иллюзия политического плюрализма, но исключается малейшая вероятность превращения политики в заложницу господствующего капитала и одновременно политической воли своих граждан. Таким образом, выборы являются «свободными и демократическими», в то время как их результаты практически находятся под контролем и полностью предсказуемы.

¹ Коммерсант. 2006. 29 июня. URL: http://www.kommersant.com/p686274/r_1.html

Эти режимы весьма прагматично рассматривают глубоко идеологический термин «демократия», трактуя его как слияние — по меткому наблюдению Ричарда Саквы — веры правящей элиты одновременно в экономический либерализм и политический консервативный авторитаризм².

В своем труде «Общая теория занятости, процента и денег» Джон Мейнард Кейнс отмечал, что в конечном счете людьми правят идеи и вряд ли что-то иное. Но встает важный вопрос: чьи идеи? и кто выигрывает от этих идей? Понятие «демократия» едва ли оспаривается в Центральной и Восточной Европе, но: а) значение демократии и практические последствия ее реализации вызывают раскол в обществе и экономике; вместо того чтобы быть общественно-идейным объединяющим началом, демократия стала ареной внутреннего соперничества по трем направлениям: доступ к либерально-установленным правам, доступ большинства граждан к переосмысленным социально-экономическим коллективным правам и сохранение властных отношений путем узаконения доступа к власти, собственности и политике стремящейся к ним элиты; б) «настоящая демократия» в странах Центральной и Восточной Европы до сего времени служила меньшинству, которое ей манипулирует; в) подобная демократия узаконила закрепление социально-экономической власти правящей группы с целью создания нераздельной общественной власти и *капитализации демократии*.

С точки зрения политической экономии, а также в соответствии с основной мыслью данной книги (*демократия и модернизация*) мы наблюдаем в Восточной и Центральной Европе процесс переформулировки понятия «демократия» политико-экономической и бюрократической элитой для консолидации в ее руках единой общественной власти. Таким образом, «демократия» обслуживает государство (и его элиту) и становится незаменимым инструментом для его развития, коль скоро она служит «его целям». Итак, мы естественно подходим ко второму вопросу: демократия с какой целью?

Превращение демократии в товар и капитал

Начну с краткого обзора основных точек зрения на анализ связи между демократией и рынком. Затем рассмотрю основное теоретическое положение данной части доклада, которое заключается в следующем: «демократия превращается в капитал посредством превращения в товар». И, наконец, коснусь вопроса о связи демократии с властью.

В своей книге «Недобрые самаритяне» Чхан Ха Джун подводит итог дискуссии о связи демократии со свободным рынком, помещая ее в своеобразный треугольник. Он придуман теми, кто полагает, что демократия «необходима для экономического развития, поскольку защищает граждан от произвольной экспроприации собственности правителями»³; теми, кто считает, что если рынок «пострадает от избытка демократии, последнюю можно принести в жертву во имя защиты свободного рынка»⁴ (в качестве примера мож-

² Sakwa R. Putin: Russia's Choice. L., 2007. P. 97.

³ Ha-Joon Ch. Op. cit. P. 171.

⁴ Ibid.

но привести сторонников Чили при Пиночете); и «конструктивистским лагерем», представители которого утверждают, что демократия — естественный побочный продукт рынка, потому что она «производит образованный средний класс, естественно стремящийся к демократии». Несмотря на существенные расхождения в точках зрения, Чхан утверждает, что либералы едины в том, что демократия и экономическое развитие укрепляют друг друга по принципу восходящей спирали взаимной поддержки: демократия поддерживает «свободные рынки и способствует их развитию; со своей стороны, свободные рынки способствуют экономическому развитию, которое еще более упрочивает демократию»¹.

По мнению Чхана, в этом кроется главное заблуждение — «что бы ни говорили неолибералы, между демократией и рынком происходит столкновение на фундаментальном уровне. Демократия опирается на принцип «один человек — один голос». Рынок же действует по принципу «один доллар — один голос». Я достаточно широко пользуюсь аргументацией Чхана, поскольку он бросает вызов сразу двум школам мысли: неолиберальной идее с ее операционной парадигмой и тем (остальным), кто критикует ее. На мой взгляд, «демократия не связана естественным образом» с рынком и не имеет какой-то специфической «внутренней ценности» (как полагает лауреат Нобелевской премии Амартия Сен), которая должна быть одним из критериев оценки и/или развития². По моему мнению, новая мутация «демократии» в Центральной и Восточной Европе точно отражает ее исторический архетип, возвращаясь к своим корням после многовекового развития в других местах. По сути, современная демократия в Центральной и Восточной Европе стала одомашненным (но по-прежнему полезным, если не незаменимым) *элементом рынка* с вытекающими отсюда глубокими социальными, политическими и экономическими последствиями (они будут рассмотрены далее).

Однако прежде чем мы придем к этому заключению, нам необходимо обратиться к работе Карла Полаanyi «Великая трансформация». Основополагающий тезис этой работы заключается в следующем: «Для функционирования индустриального общества необходимо, чтобы все факторы производства продавались»³. Иными словами, чтобы рыночная система функционировала, все, что может быть превращено в товар, должно быть превращено в товар с учетом его стоимости, устанавливаемой рынком посредством сделок. Все продается и все покупается — свободный рынок полностью преобразил общество: теперь уже не экономика является «неотъемлемой частью» прочих общественных связей, а общественные связи становятся неотъемлемой частью экономической системы⁴. Глобализация (или, скорее, интернационализация до мирового размаха) увеличила масштабы и глубину этого процесса; по своей сути глобализация — это превращение общественных отношений в товар в масштабах всего мира.

¹ Ha-Joon Ch. Op. cit. P. 171.

² Sen A. Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10, № 3.

³ Polanyi K. The Great Transformation. Boston, 2001. P. 43.

⁴ Ibid. P. 60.

Демократия и демократические институты действуют в этих рамках (или, если хотите, в рамках рыночной экономики). В таком случае возникает вопрос: учитывая, что все отношения в обществе в какой-то степени превращены в товар, может ли сама демократия быть товаром? Здесь можно выделить два подвопроса: каким «товаром» может стать демократия, и можно ли демократию «рассматривать как товар» в реальных рыночных условиях? Первый ответ, с моей точки зрения, вытекает из присущей рынку тенденции превращать в товар все, включая нормы здравоохранения, права человека, систему социального обеспечения, окружающую среду, а также саму демократию. В реальных рыночных условиях 1990-х годов демократия в Центральной и Восточной Европе и в России стала товаром подобно всему прочему («нечто», что можно купить и продать на «демократичном рынке»). Повторю: покупая доступ к политическому процессу, собственности, средствам массовой информации, покупая выборы или влияя на них на любом уровне, приобретая политиков и людей, от которых зависит принятие важных решений, влияя на суды и полицию (другими словами, покупая гражданские свободы), избранная горстка людей *де-факто* способна превратить государство в свою *собственность* и наслаждаться плодами демократии. Иными словами, все аспекты либеральной демократии были разбиты на лоты и проданы, вследствие чего вся демократическая система, какой мы ее знаем, была превращена в товар, и сейчас происходит товарищизация демократии.

Я назвал этот процесс *превращением демократии в товар*⁵. В связи с этим можно было бы возразить, даже если это не единственный случай в истории, что купля и продажа демократии (ее институтов и прав) является отклонением, вызванным или высоким уровнем коррупции политических и социальных слоев, или деформацией того или иного режима (главным образом авторитарного). По моему мнению, хотя в подобных аргументах есть доля правды, в них недооцениваются тесные связи, которые существуют между «свободным рынком» и «демократией». Ниже я попытаюсь доказать, что демократия сначала органично встраивается в рыночную систему, затем превращается в товар и становится младшим братом-близнецом свободного рынка (а значит, делается незаменимой для современного государства и, в более широком смысле, для развития/модернизации). Чтобы это сделать, я проанализирую *демократию как товар* в более широком (рыночном) контексте: капитал—рынок—общественные отношения.

В недавно изданной книге Шимсона Бихлера и Джонатана Нитцана «Капитал как власть» авторы

⁵ Безусловно, эти явления не являются специфическими для отдельно взятого региона: покупка выборов (см. недавно принятое Верховным судом США крайне важное решение по делу «Граждане США против Федеральной избирательной комиссии (558US 08-205)», в котором говорится, что корпоративное финансирование независимого политического вещания во время выборов не может быть ограничено), влияние на политиков (в 2008 г. лоббирование в США было приравнено к налогооблагаемому бизнесу стоимостью в 4 млрд долл.); отдельные политики превращаются в товар места в Сенате США (скандал по делу Рода Благоевича, экс-губернатор штата Иллинойс приговорен к 14 годам тюремного заключения за коррупцию, торговлю государственными должностями за престижные места в других областях. — *Прим. пер.*) и др.

убедительно говорят об отношениях между капиталом и властью. Я в какой-то степени позаимствую их аргументы в процессе доказательства того, что «демократия — это товар»¹. Начну с достаточно пространной, но полезной цитаты из этой книги: «Власть капиталистического толка рассчитывается с точки зрения цен и капитализации, действуя через все более охватывающую систему ценообразования <...> Капитализация уменьшает конкретную траекторию предполагаемого роста доходов <...> Обратите внимание, что это не “экономическая власть”. Это и не “политическая власть”, которая каким-то образом искажает экономику. Вместо этого мы здесь имеем дело с *организованной властью в целом*. Многочисленные властные институты и процессы — от идеологии через культуру к организованному насилию, религии и закону; национальность, пол, международные конфликты, трудовые отношения, производство и инновации — все это факторы дифференциации и непостоянства доходов. Когда эти доходы с их непостоянством дисконтируются в капитальную стоимость, лежащие в их основе властные институты и процессы *становятся* частью капитала. А поскольку капитал — это товар, который можно покупать и продавать на финансовых и фондовых рынках, его относительная стоимость представляет собой *товаризацию власти*. С этой точки зрения мы уже не можем говорить о соотношении “экономической эффективности” и “политической власти” или разграничивать такие понятия, как “экономическая эксплуатация” и “политическое угнетение”. Вместо этого налицо единый процесс накопления капитала/становления государства — процесс реструктуризации, посредством которого *власть накапливается подобно капиталу*»².

Таким образом, по аналогии, демократия как «фиктивный товар» или «товаризованная нетоварная продукция» суть неотделимая часть капитала, а значит, неотделимая часть рынка и, следовательно, неотделимая часть государства — рыночного механизма. Другими словами, демократия — это не только инструмент легитимизации для властной элиты (то есть ее второстепенная задача); главная ее задача состоит в том, чтобы служить капиталу и государству, обеспечивая капиталу имущественные права, стабильность и легитимность. В этом смысле рынок уже не может развиваться без определенного уровня демократии; долгосрочная модернизация не может быть осуществлена без определенного уровня демократизации системы. Вот почему демократия как идея и демократия как практика стали частью «организованной власти в целом», как отметили Нитцан и Бихлер.

А сейчас проведу *анализ демократии как власти*. Обобщая все вышесказанное, отвечу на вопрос, поставленный в начале данной части: для чего нужна демократия? «Капитализация демократии» делает ее неотъемлемой частью долгосрочного капиталистического развития, поскольку демократия представляет собой чудодейственное средство, особенно для рынков стран Центральной и Восточной Европы (модернизация, рост, развитие и т. д.). Поясню. Бурные годы преобразований

с начала 1990-х до конца десятилетия породили классический набор рынков (финансовый, товарный, рынок труда и информации). Здесь переплетаются два важных момента. Во-первых, в силу довольно неэффективной работы институтов и государства (а значит, и судебно-исполнительной власти) имущественные права (столп рыночного развития) являются слабыми и слабо защищены; они нестабильны, и ими манипулируют в политических целях. Во-вторых, в силу специфики приватизационных процессов в странах Центральной и Восточной Европы и России (некоторые называют их «грабительской» или «криминальной» приватизацией, когда гигантские государственные активы были за бесценок отданы нескольким избранным личностям, имевшим доступ к национальным/региональным политическим ресурсам и знавшим о намерениях государственных властей раньше других), они не имеют легитимности в глазах широкой общественности; таким образом, налицо не только ненадежная защита собственности, но и неуважение к чужой собственности со стороны подавляющего большинства населения.

Для бюрократической, политической и деловой правящей элиты стабилизация собственности, легитимация собственного существования и предотвращение социальных волнений (или разговоров о пересмотре итогов приватизации 1990-х гг.) изнутри и снаружи — вопрос жизни или смерти. И здесь на помощь приходит демократия, которая была представлена внутренними и международными элитами как единственно возможное решение социально-экономических проблем периода трансформации. Но из этого средства «от всех болезней» были отобраны и претворены в жизнь (порой небрежно) лишь некоторые его аспекты (или «ингредиенты») — например, «свободные выборы», свобода перемещения и защита частной собственности (в частности, признание всех приватизационных механизмов, даже самых неприглядных). Таким образом, демократия служила крайне важным экономическим рычагом, способствующим формированию рынков и обеспечивающим легитимизацию нового класса собственников³.

³ Например, в случае с Россией доминантный тип накопления правящей группой Ельцина (1991–2000) был обусловлен симбиозом олигархов (большой бизнес, размещенный в России), высших эшелонов государственной (центральной и региональной) бюрократии и кремлевской элиты, что привело к сверхукрупнению властных структур. Механизм накопления был сложным и динамично менялся, отражая внутреннюю (политическую) структуру власти и изменение власти господствующего капитала. Основные противоречия (и меняющиеся интересы, которые отражали динамическую реальность на внутреннем и международном рынке) между политической и бюрократической властью и господствующим капиталом определили динамику всей системы. На первом этапе (в период до ваучерной приватизации 1993–1994 гг. и аукционов «акции в залог под кредиты» 1995–1996 гг.) доступ к политической власти меняли на прибыль и гарантии предоставления должностей и разрешений (в сфере торговли в ходу были лицензии на импорт и экспорт, все виды разрешений, приватизация недвижимости, предоставление квот и государственных контрактов). Капиталисты в России начали консолидировать свои позиции еще в 1992–1993 годах с помощью инновационной стратегии межотраслевых слияний и поглощений под названием ФПГ (финансово-промышленные группы). Они увеличивали свои прибыли, просто не уплачивая налоги, и обезопасили свои доходы — в условиях крайне нестабильной рыночной среды, — переводя деньги за границу и лишая внутренние активы их «реальной» стоимости. Эта схема существенно изменилась с появлением новой движущей силы в виде аукционов «акции в залог под креди-

¹ Nitzan J., Bichler Sh. Capital as Power. A study of order and creorder. L., 2009.

² Ibid. P. 9–10.

В качестве одной из гражданских свобод демократия прежде всего обеспечивала гарантии набора прав на частную собственность и юридические гарантии в виде неотъемлемого процессуального права (и таким образом демократия стала столь же важным инструментом экономического преобразования региона, как и экономическая политика).

Ранее я задал вопрос: для чего нужна демократия? Надеюсь, ответ теперь прояснился. Она обеспечивает легитимность прав частной собственности, делает находящихся у власти еще более могущественными и наделяет граждан фундаментальными правами и свободами (пусть и плохо прописанными), чтобы сделать их «частью процесса» (поскольку «гражданин демократического общества» — это не мятежник, а скорее и в первую очередь вечный потребитель). Следовательно, капитализация демократии означает также включение этого «проекта» в процесс развития и модернизации (теми, кто в данный момент держит этот процесс под контролем)¹. Таким образом, когда демократия превращается в товар, она становится частью процесса капитализации (она сама превращается в своего рода капитал) и, по логике, тоже подвержена процессам накопления, впрочем, не в смысле денег или ценных бумаг, а в смысле аккумуляции власти.

ты» — исконно русского изобретения деловой и политической элиты, которая юридически, де-факто передала «семерке доверенных лиц» Кремля (и единственному человеку, который не был банкиром, доверенному лицу Кремля Борису Березовскому) жирный кусок государственного имущества, в том числе ряд подлинных сокровищ российской экономики. На данном этапе логика экспансии капитала заключалась только в одном — «проникнуть и изменить характер самого государства».

Однако олигархи оказались в экзистенциальной дилемме — иметь слабое государство было хорошо для бизнеса (без налогов, коррумпированных чиновников и т. д.), но иметь слишком слабое государство было для бизнеса плохо (их основная проблема заключалась в том, что государство было слишком слабым, чтобы обеспечить безопасность/защиту прибылей господствующего капитала и права собственности). Они разрешили это, казалось бы, глубокое противоречие в истинно гегелевском духе, обратившись к понятию политики. Олигархам «пришлось все взять в свои руки» и заняться политикой. Во время переизбрания Бориса Ельцина (в июле 1996 г.) они оказали ему, гаранту их положения, мощную поддержку в духе лозунга «свистать всех наверх», что способствовало процессу «приватизации государства». Остальное было делом техники. Олигархи купили национальные СМИ, взяли их под жесткий контроль и начали эффективно использовать, навязывая одностороннее объяснение реальности. Они взяли под свой контроль глав регионов. Они укрепили свои позиции в силовых структурах. К моменту финансового кризиса 1998 года операция «приватизация государства» шла полным ходом. Со времен залоговых аукционов «акции в залог под кредиты» и переизбрания Ельцина политика (будучи по-прежнему необходимой) уступила первенство капиталу в процессе накопления. Но российским олигархам все было мало, и уже в середине 1990-х они начали активно искать международную поддержку капитала. Они стремились к возможности иметь транснациональную собственность для того, чтобы, с одной стороны, получить доступ к международному капиталу (чтобы взять больше власти внутри страны), а с другой — обеспечить себе доступ к безопасным инвестициям за рубежом. Продвигая «приватизацию государства», российские олигархи готовились к конкретному шагу: обеспечить себе слияние с международным капиталом и поставить экономику России на коммерческие рельсы. Дважды за последние 15 лет — в 1994 и 1996 годах — можно было купить треть активов России за 3–4 млрд долл.

¹ Сами понятия «развитие» и «модернизация» требуют особого внимания, поскольку они кажутся настолько очевидными, что лишь немногие берут на себя труд ближе познакомиться с их истинным смыслом. Нестандартная и проникающая в суть точка зрения изложена в работе: Cowen M. P., Shenton R. W. *Doctrines of Development*. Routledge, 1996.

Демократия как власть

Взгляд на демократию с позиций политэкономии — пока еще плохо исследованная тема. А жаль, поскольку под этим углом зрения демократия представляется участницей заговора, суть которого в том, что демократию захватывает рынок/государство, а правящие элиты преобразуют ее в товар, служащий преимущественно интересам государства и частного капитала и являющийся частью единой властной сети. Довольно печальная история у столь красивой идеи и очень гуманного идеала! Но у демократии есть и другой, более позитивный аспект, заключающийся в том, что демократия — особенно в эпоху экономического спада и усиливающейся неопределенности — более желанна для правящих элит, поскольку она может амортизировать некоторые социально-экономические потрясения и дать системе бессрочное обоснование для ее увековечивания².

Таким образом, плюс в том, что фундаментальные права граждан гарантируются в более широком смысле, как неотъемлемая часть стабильности системы. Как отмечает Мансур Олсон, экономическое развитие и демократия требуют наличия одних и тех же предпосылок: «Интересно, что условия, необходимые для обеспечения прав личности, гарантирующих максимально возможное экономическое развитие, — это те же самые условия, которые необходимы для обеспечения прочной демократии <...> Та же самая судебная-правовая система, независимая судебная власть и уважение к закону и правам личности, которые нужны для создания прочной демократии, требуются и для гарантии безопасности имущественных и договорных прав. Как вытекает из приведенных выше доводов, единственное общество, в котором созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы имущественные и договорные права соблюдались на протяжении многих поколений, — это демократическое общество <...> С другой стороны, большое преимущество демократий — в недопущении чрезмерного социального профицита, которым могло бы пользоваться политическое руководство. У демократий есть еще одна несомненная добродетель: тот же самый акцент на правах личности, который необходим для создания прочной демократии, также необходим для обеспечения прав собственности и соблюдения договоров. Моральные достоинства демократии сегодня признаются почти повсеместно, но

² Нитзан и Бихлер полагают, что этим процессом руководит процесс накопления: в итоге власть — это уверенность в послушании. Она выражается в том, что правители уверены в покорности подчиненных. Когда эта уверенность твердая, правители начинают активно формировать свое общество. Они рассматривают его траекторию как обычное и естественное явление, а к бунтам, восстаниям — даже революциям — относятся как к простым возмущениям спокойствия. Напротив, когда эта уверенность слабая, правители, как правило, реагируют, а не выступают с инициативами. Социальное развитие теряет свою когерентность, в то время как бунты, восстания и революции вдруг становятся проявлениями системного хаоса. В наше время капитал воплощает в себе основные взаимоотношения между доверием и послушанием. Процесс накопления представляет меняющуюся способность господствующего капитала — а именно ведущих корпораций и ключевых правительственных органов в эпицентре процесса — устанавливать контроль, формировать и преобразовывать общество вопреки оппозиции (Nitzan J., Bichler Sh. *Op. cit.* P. 17).

ее экономические преимущества и блага недооцениваются и не осознаются»¹.

Другими словами, демократия не есть «необходимая фикция»², как утверждает Славой Жижек. Напротив, она вполне реальная *товаризованная нетоварная продукция* на рынке, которая за счет гарантий прав и свобод, а также за счет легитимации системы помогает ей успешно функционировать благодаря определенному уровню уверенности в послушании.

Выводы

Все более явно становясь служанкой экономической и политической правящей элиты, демократия утрачивает первоначальную привлекательность и широкую социальную поддержку, которая раньше не вызывала сомнений. Это сказывается на основных тенденциях в современной рыночной системе (например, происходит деполитизация экономики, в результате чего снижается уровень ее социальной ответственности и она становится менее отзывчивой; государство все меньше участвует в системе социального обеспечения; система становится менее прозрачной и более авторитарной и т. д.).

Социальные последствия также налицо: от «арабской весны» до всплесков насилия на улицах Лондона,

которые проявляются в том, что общество все меньше участвует в процессах управления и чувствует все меньше ответственности. Учащаются вспышки немотивированного общественного гнева, люди проявляют неуважение к закону и нормам, нарушаются права собственности, размывается «либеральное сословие». Позитивные демократические процессы заключаются в том, что демократии идут на колоссальный риск, смещая диктаторов, поднимая вопросы о более справедливом будущем для молодежи, привлекая больше внимания к проблемам защиты окружающей среды, разоблачая инертность элиты и т. д.³

Таким образом, картина вырисовывается тревожная, но не мрачно-унылая. Главный вопрос заключается в том, удастся ли нам заставить демократию «работать», размежевав понятия «демократия» и «рынок» при сохранении свобод и решении социальных проблем? Как это ни удивительно, ответ — положительный: это можно сделать без ущерба для рынка, но «придется изменить существующий порядок вещей во власти и превратить граждан из зрителей в активных участников процесса»⁴.

В данный момент мировые и национальные политические элиты еще не готовы для решения этой задачи.

¹ Olson M. Op. cit. P. 572–574.

² Žižek S. The Sublime Object of Ideology. L., 1989. P. 148.

³ Журналистское описание данного процесса можно найти в работе: Hedges Ch. Death of the liberal class. Toronto, 2010.

⁴ Wolin Sh. S. Op. cit. P. 43.